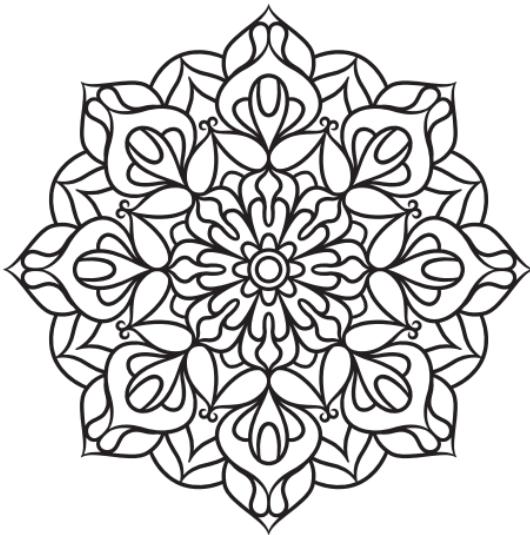

РОБИН РОБЕРТСОН

ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ ЮНГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АРХЕТИП & ПУТЬ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 2024

ББК 86.4
УДК 133

Р. Робертсон

Введение в психологию Юнга. "Архетип & Путь" 2024 – 227 с.

«Введение в психологию Юнга» Робина Робертсона — это доступное и увлекательное руководство по ключевым концепциям аналитической психологии Карла Густава Юнга. Автор, являясь преданным последователем Юнга, стремится сделать сложные идеи великого психоаналитика понятными для широкой аудитории. В книге подробно рассматриваются такие фундаментальные понятия, как Тень, Анима/Анимус и Самость, которые часто проявляются в наших сновидениях и повседневной жизни. Робертсон предлагает читателям инструменты для осознания и интерпретации этих архетипических образов, способствуя более глубокому пониманию собственной психики. Это издание станет ценным пособием для всех, кто интересуется саморазвитием и стремится исследовать глубины своего внутреннего мира.

Издательство «Архетип & Путь».
Санкт-Петербург.
2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I
ЮНГ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ
— 5 —

ГЛАВА II
ДУША
— 23 —

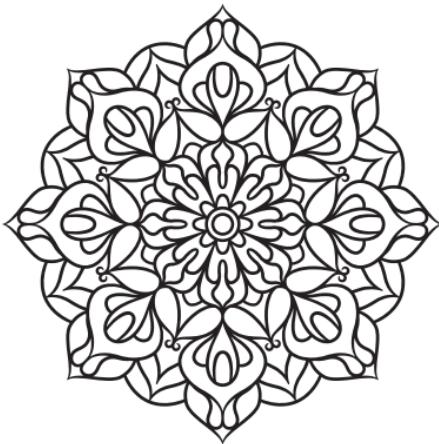
ГЛАВА III
СНЫ
— 53 —

ГЛАВА IV
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ
— 81 —

ГЛАВА V
ТЕНЬ
— 121 —

ГЛАВА VI
АНИМА И АНИМУС
— 157 —

ГЛАВА VII
САМОСТЬ
— 156 —

ГЛАВА I

ЮНГ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Каждая новая ступень в развитии культуры психологически представляет собой расширение сознания, нарастание осознавания, которое возможно лишь через установления различий.

К. Юнг

Это книга о психологии, открытой Карлом Густавом Юнгом в первой половине XX века, и ее значении для всех нас, вступающих в новый мир XXI века. Юнг был поистине оригинальным мыслителем, чьи идеи до сих пор остаются в значительной степени неизвестными или непонятными. Юнг не всегда был прав; это свойственно первооткрывателям. Его взгляд на реальный мир настолько отличался от бытавшего мировоззрения, что коллегам — психологам и ученым — зачастую трудно было понять, что он хотел сказать.

Язык произведений Юнга также не способствовал облегчению этой задачи. Слог казался слишком литературным его ученым коллегам и излишне академичным — его читателям. Художники и писатели сумели постичь сущность теорий Юнга лучше, чем ученые, но они нередко являли склонность к чересчур поспешным обобщениям, потому что не в состоянии были понять всю широту и глубину мысли Юнга.

В этой книге я попытаюсь представить идеи Юнга в обобщенной форме, возможно, даже в более обобщенной, чем в работах самого Юнга, но дающей, по моему мнению, достаточно четкое представление о них. Я буду делать основной упор на практическом применении идей Юнга, которого слишком часто упрекали в том, что его идеи неприменимы к практике и нереальны. Однако прежде всего мне хотелось бы дать читателям некоторое представление о том, что за человек был Юнг, как и почему пришел он к созданию самого оригинального мировоззрения XX столетия.

ЮНГ И ФРЕЙД

Как и Зигмунд Фрейд, еще более знаменитый его учитель, Юнг был практикующим врачом, Ставшим одним из первопроходцев в новой для того времени области психоанализа. Хотя Юнг был психологом-клиницистом, он также проводил изыскания в области экспериментальной психологии, которые в дальнейшем привели к созданию детектора лжи (цели, в которых этот прибор применялся впоследствии, вызнали бы у Юнга отвращение). Однако Юнг впервые привлек внимание Зигмунда Фрейда своей ранней концепцией комплекса («комплекс» — это чувства, образы и воспоминания, группирующиеся вокруг какого-то одного понятия, например концепции «матери»,

так, что они воспринимаются разумом как единое целое). Комплексы мы будем обсуждать более подробно во второй главе. Фрейд был на девятнадцать лет старше Юнга и уже написал некоторые из своих величайших творений. В то время психоанализ представлял собой еще почти совершенно неизученную область, и идеи Фрейда отвергались или подвергались резкой критике как в медицинских, так и в научных кругах.

Нет сомнений, что эти условия подготовили идеальную почву для обожествления Юнгом Фрейда и для «усыновления» Фрейдом своего нового избранного последователя. В 1906 году Юнг встретился с Фрейдом и вскоре после этого сделался первым среди любимых коллег Фрейда, а затем и его законным преемником.

К сожалению, планам Фрейда не суждено было сбыться — Юнг не был создан для того, чтобы стать просто чьим-то учеником. Фрейд и Юнг — очень разные люди и по-разному смотрели на мир (мы сможем в этом убедиться, когда будем обсуждать теорию психологических типов Юнга в четвертой главе).

Фрейду исполнилось пятьдесят лет. Он чувствовал, что уже создал основополагающие идеи, описывающие структуру и динамику человеческой души (греч. *psyche* — душа, дух). (Слово «*psyche*» (душа) Юнг использовал для определения всех наших психологических процессов в совокупности. Этот термин представляется в данных обстоятельствах более подходящим, чем «мозг» или «разум», поскольку речь идет о реальности, которая не сводится к физическим процессам, но и не отделяет себя от них.) Фрейду нужны были последователи, которые приняли бы его идеи и развивали их дальше. Хотя Юнг восхищался Фрейдом и считал многие из его идей полезными, он был убежден в том, что

человеческая душа представляет собой гораздо более сложный «инструмент», чем предполагал Фрейд. В то время как теории Фрейда превращались в догму, Юнг продолжал собственные исследования с пациентами, «следя всем изгибам пути». Иногда же этот путь заводил Юнга и такие «дебри», которые не укладывались в теорию Фрейда.

СИМВОЛЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Приведем пример. Фрейдовская концепция эдипова комплекса произвела на Юнга глубокое впечатление, но Юнг увидел в ней нечто другое, отличное от того, что подразумевалось Фрейдом. Фрейд утверждал, что табу на инцест заложено глубоко в каждом из нас. Поскольку это понятие является общечеловеческим, оно с неизбежностью нашло отражение в мифах и литературе; Фрейд полагал, что наиболее точно эта концепция выражена в мифе о царе Эдипе, который непредумышленно убил своего отца Лая и женился на собственной матери Иокасте. Когда Эдип и Иокаста наконец узнали правду, Иокаста совершила самоубийство, а Эдип ослепил себя. Фрейд утверждает, что этот конфликт лежит в начале начал, что он вновь и вновь повторяется в жизни каждого из нас, особенно у мальчиков в возрасте от четырех до пяти лет. В этом возрасте (по Фрейду) мальчики испытывают чрезмерно сильную любовь к матери и ненавидят отца.

Фрейд сделал эдипов комплекс краеугольным камнем своей теории, так как для него это был единственный наиболее значимый психический элемент, лежащий в основе развития мужчины. Юнг обнаружил в открытии Фрейда нечто более удивительное: идею о том, что все древние мифы до сих пор живут внутри каждого из нас. В истории Эдипа Фрейд нашел описание всего процесса духовного

становления личности, а Юнг — только один пример многочисленных психических инвариантов, существующих внутри каждого человека.

Легендарный греческий математик Архимед был как раз одним из таких редчайших людей: теоретик, способный находить применение своим теориям на практике. Он использовал математические функции для создания хитроумных конструкций из шкивов и рычагов, которые применялись для перемещения громоздких предметов. Существует апокрифический рассказ о том, что окрыленный своими успехами Архимед воскликнул: «Дайте мне точку опоры и я переверну мир!»

Подобно Архимеду, Юнг осознал, что Фрейд обнаружил один из примеров того, как психология может выйти за пределы истории личности и проникнуть в историю расы, отраженную в мифологии. Такой исторический подход давал и точку опоры, находящуюся вне пациента, и рычаг, позволяющий воздействовать на его душу. Юнг немедленно начал исследовать это новое удивительное направление в психологии.

В 1912 году Юнг опубликовал первые результаты своих исследований, получившие название «Трансформации и символы либидо» (лат. libido — влечение, желание, страсть, стремление) (позднее книга подверглась интенсивной авторской переработке и вышла в 1952 году под названием «Символы трансформации»). В этой книге выдвигался еретический тезис о том, что «либидо» есть не просто сексуальная энергия, но и энергия психическая, и образ, увиденный во сне, суть нечто большее, чем просто ребус, который можно расшифровать и выявить тем самым заключенное в нем запретное сексуальное влечение. С юношеской страстью исследователя Юнг обратился к целому миру ми-

фологии для усиления фантазий всего одной женщины, находившейся на начальной стадии шизофрении. (Эта женщина, упоминавшаяся как «мисс Франк Миллер», была пациенткой Теодора Флурнау, который опубликовал ее фантазии в 1906 году.)

Если Фрейд «редуцировал» образы фантазий и сновидений, «принизывая» их к одному мифу (эдипов комплекс), Юнг «усиливал» фантастические видения этой женщины, проводя параллели между ними и многочисленными мифами, принадлежащими различным культурам и векам. По мере того как разворачивались фантазии пациентки, Юнг сумел показать формирование некоего паттерна, который неизбежно приводил к расщеплению души — шизофрении.

Как могли образы, являвшиеся в фантазиях современной женщины, повторять темы мифов, возникших тысячу лет назад, мифов, которые эта женщина никогда не читала? В паше время бытует мнение, что люди подобны пустым грифельным доскам, на которые опыт наносит свои письмена. Может быть, открытия Юнга явились плодом его фантазий? Может быть, его анализ был просто хитроумным обманом? Был ли Юнг прав, связывая фантазии пациентки с мифологическими сюжетами, которые он сумел интерпретировать как различные этапы, ведущие к шизофрении?

И все-таки Юнг оказался прав. Когда некоторое время спустя он обсудил свои выводы с Флурнау, тот подтвердил, что течение болезни пациентки точно совпадало с той картиной, которую описал Юнг. Трудно объяснить, как это могло произойти, если только не признать существования коллективной «подкладки» души, которая и «питает» душу мифологическими образами, сновидениями и фантастическими грезами.

Это было выше понимания Фрейда, и вскоре он разорвал отношения с Юнгом. Фрейдисты обычно принимают сторону Фрейда в толковании разрыва, юнгианцы поддерживают Юнга. Но, вероятно, разрыв этих двух людей был закономерен, поскольку они видели мир под разным углом зрения. Как и в случаях со многими другими отцами и сыновьями (потому что отношения между Фрейдом и Юнгом по своей сути соответствовали отношениям между отцом и сыном), Фрейд чувствовал, что Юнг предал его, а Юнг ощущал себя покинутым Фрейдом. Оба были по-своему правы. Стремление Юнга к полной независимости от каких бы то ни было условностей могло сделать его «трудным ребенком» для любого отца. Непоколебимые (а порой и закосневшие) представления Фрейда о природе души делали его невыносимым отцом для любого сына. (Фактически Фрейда постепенно оставили все его духовные «сыновья», начиная с Адлера.)

Однако поддавался он объяснению или нет, этот разрыв явился «горькой пилюлей» для Юнга. До конца своей жизни Юнг вынужден был в одиночестве следовать по пути изучения того коллективного фундамента, который находится под индивидуальным сознанием. Книга, которую вы собираетесь прочитать, повествует об открытии, сделанном Карлом Юнгом, и о его исследованиях «бессознательного как объективной и коллективной души». Позже Юнг ввел для обозначения этого понятия более краткий термин — «коллективное бессознательное». «Коллективное» — потому что оно состоит из образов и моделей поведения, не приобретаемых личностью в течение ее жизни, но, несмотря на это, доступных всем индивидам, живущим во все времена; «бессознательное» — потому что его невозможно постигнуть путем осознания.

МИФЫ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Ученые и университетская профессура всегда насмеялись над концепцией коллективного бессознательного. Им «хорошо известно», что люди не могут иметь никаких иных воспоминаний, кроме приобретенных ими в течение жизни. Для нас, воспитанных в век разума (как принято считать), это понятие представляется очень странным (абсурдным). В наше время, когда мы как слепые «тычемся во все углы» в тщетном стремлении к абстрактным духовным ценностям, то делаем вид, что дух может быть сведен к понятию «разума». Мы все больше и больше погружаемся сами в себя, живем внутри себя, отрезанные от мира природы, раскинувшегося вокруг нас, и при этом делаем вид, что разум, в свою очередь, может быть сведен к понятию «мозга». Мы твердо верим в то, что всему можно дать материалистическое объяснение. Любое иное описание реальности мы отмечаем как примитивный предрассудок.

Однако именно по причине этого материализма мы живем в изоляции и отчужденности друг от друга. Одиночество и отчаяние стали обычными спутниками людей в нашей развитой западной цивилизации. Замкнутые внутри самих себя, мы страстно жаждем хоть какого-то ощущения сродства, близости — со своей работой, своей религией, с каким-то другим человеком, миром вокруг нас, наконец, с самим собой.

Психология Юнга предлагает нам выход из тупика. Может быть, эта психология не способна полностью разрешить все проблемы, но, по крайней мере, она предоставляет нам возможность обрести новый взгляд на мир. В противовес холодному, бездушному механистическому миру материалистов, Юнг описывает теплый, органичный мир, в котором каждый связан с каждым и со всеми, и любой че-

ловек — с каждым аспектом мироздания. При этом всякий человек не перестает также быть уникальной личностью со своей неповторимой судьбой, которую Юнг именует индивидуацией (то есть путем развития конкретной личности в течение всей ее жизни).

Как и любое другое подобное целостное мировоззрение, картина реальности, нарисованная Юнгом, оставляет ряд вопросов без ответа. Понятие коллективного бессознательного открывает множество дверей, прежде остававшихся запертыми для западных ученых. Традиционно психология (а также философия и наука в XX столетии) имела тенденцию ограничиваться только теми вопросами, на которые она была в состоянии дать ответы. Любые другие сложные и спорные вопросы, особенно метафизические, отмечались как бессмыслица (буквально: «без» смысла, не поддающиеся восприятию, исследованию и описанию с помощью органов чувств). К сожалению (или, по моему мнению, к счастью), мир сложнее наших систем мышления. Психология Юнга отдает должное всей сложности тех проблем, которые мы испытываем, живя в окружающем нас мире. Пускай Юнг не в состоянии дать ответ на все вопросы, по крайней мере, он не отрицает, что подобные вопросы существуют. Понятие коллективного бессознательного, выведенное Юнгом, не является ни философским построением, ни религиозной догмой; это попытка, хотя порой и довольно примитивная, представить точную картину внутреннего мира души и ее взаимосвязей с внешним материальным миром вокруг нас. Он открыл этот новый мир, внимательно изучая сновидения, которые описывали его пациенты, а затем соотнося эти рассказы с похожими темами, которые находил в сказках, мифологии, искусстве и культуре всех народов мира.

То были не академические выкладки; Юнг обратился к мифологии, потому что она помогала ему понимать и лечить пациентов с их реальными проблемами. К примеру, он мог выявить в сновидении пациента символ, который ставил его в тупик. Тогда Юнг обращался к мифологии и находил миф, в котором такой символ уже встречался прежде. Так как мифы повествуют о человеческих конфликтах, Юнг получал возможность понять конфликт, переживаемый его пациентом, конфликт, который пациент скрывал и от самого себя и от Юнга. Если сновидения лишены смысла, то лишь случайностью можно объяснить тот факт, что в сновидении повторялся образ, уже отраженный в мифологии. В подобном случае конфликт, отраженный в мифе, имел бы мало или не имел бы совсем ничего общего с фактической проблемой пациента. Но ведь общее было. Вновь и вновь прослеживалась эта общность (и прослеживается до сих пор).

Для того чтобы принять взгляд Юнга на реальность, не нужна вера; нужно только мужество, чтобы беспристрастно исследовать свой внутренний мир так, как это сделал сам Юнг. Наше исследование облегчается тем, что Юнг уже провел его и оставил нам «карту местности». Опять же, нам нет необходимости принимать его «карту» на веру. Юнг всегда просил, чтобы люди входили в область своей души с таким чувством, словно они ничего не знают о ней. Однако если мы внимательно посмотрим на то, с чем встретились в своем внутреннем мире, то обнаружим, что наши наблюдения точно соответствуют модели Юнга. Это происходит потому, что коллективное бессознательное не есть просто теория, оно действительно существует.

Если попробовать отграничиться от всего личного в душе, можно понять, что в ней остается еще что-то — общее для всех мужчин и женщин всех времен и культур. По-

скольку это «что-то» в буквальном смысле является бессознательным, мы не можем непосредственно ощутить или испытать его. Подобно молекулярным физикам, изучающим следы, оставленные субатомными частицами в пузырьковой камере, нам приходится наблюдать бессознательное по тем следам, которые оно оставило в наших сновидениях и фантазиях. Но на основании этих наблюдений мы можем строить модели, описывающие (отметьте, что эти модели всегда описывают, а не объясняют) как структуру бессознательного, так и его динамические взаимосвязи с сознанием.

Прежде чем пуститься в путь, мне хотелось бы немного рассказать вам о замечательном человеке — Карле Густаве Юнге — для того, чтобы легче было понять, как ему удалось сделать свои уникальные открытия.

СВЯЗЬ С ПРИРОДОЙ

Карл Юнг родился в Кесслие, аграрном районе Швейцарии, в 1875 году. Его отец был священником. Когда мальчику исполнилось полгода, семья переехала в новый приход, а потом в другой, когда Карлу сравнялось четыре. Оба прихода располагались в сельской местности (хотя последний и находился недалеко от Базеля). Юнг оставался единственным ребенком в семье, без братьев и сестер или товарищей по играм, до тех пор, пока не пошел в школу (его младшая сестра родилась, когда Карлу было девять). Лишенный общества сверстников, он искал утешения как внутри себя, в своих внутренних душевных ресурсах, так и вовне — в красоте окружавшей его природы. Хотя впоследствии его жизнь изобиловала и сильными любовными страстями и дружбой, он был обречен всегда оставаться по своей сути одиноким путником, верившим в то, что знание в конечном итоге проистекает из непосредственных наблюдений.

Во времена Юнга швейцарские крестьяне еще жили в мире гор и озер, лесов и полей, который мало изменился за сотни лет. Швейцария придерживалась принципа политического нейтралитета с 1515 года, стремясь только к миру и стабильности (хотя этот баланс и был нарушен во время правления Наполеона). Люди, жившие в сельской местности, обладали такими качествами, как флегматичность, устойчивость, исконная близость к земле, уходившими корнями в природное изобилие, царившее вокруг. Очень важно подчеркнуть наличие у Юнга этой чисто швейцарской близости к земле, поскольку очень многие критики отметили его описания души как фантазии.

Готовность Юнга приписывать определенные характеристики нациям и расам привела в ярость многих критиков. Они путают беспристрастные наблюдения с расовыми предрассудками.

Но разве нам не известно, что разным культурам присущи разные отличительные признаки? Немцы и французы так часто воевали друг с другом в течение всей своей истории не только из-за территориальных претензий, но и по причине различий во взглядах на мир. Говорить, что нация имеет определенные характерные черты, не значит настаивать, что эти Черты Присущи каждому отдельному представителю этой нации без исключения, не значит стремиться лишить кого-либо его индивидуальности. Признавать, что различные нации имеют различные свойства, равно признанию, что различные индивиды имеют различные личные свойства.

В природе Юнг нашел тот источник, который питал И утешал его в течение всей жизни. Женившись в 1903 году, Юнг построил дом, где и провел почти всю жизнь. Дом находился в Кусснахте, на берегу Цюрихского озера. В 1923

году, после смерти матери, он построил также каменную башню в Боллингене, недалеко от своего дома. С этого времени и до самой смерти, последовавшей в 1961 году, Юнг попеременно жил то с семьей в Кусснахте, то в незатейливых условиях и в полном одиночестве в Боллингене, в своей башне. Он сделал к башне пристройки в 1927, 1931, 1935 годах и, наконец, последнюю — в 1955 году, вскоре после смерти жены. Он научился добывать и тесать камни в каменоломне, чтобы самому осуществлять большую часть работ по перестройке башни.

Юнг трогательно описывает свою взаимосвязь с башней и природой в духовной автобиографии «Воспоминания, сновидения, размышления»:

В Боллингене я оказываюсь в гуще моей истинной жизни, там я наиболее полно ощущаю себя... Временами у меня возникает такое чувство, словно парю над окружающим пейзажем и нахожусь внутри вещей, словно живу в каждом дереве, в плеске волн, в облаках и животных, которые рождаются и умирают, в смене времен года. В моей Башне нет ничего, что не обрело бы за десятилетия своей собственной формы, ничего не связанного со мною. Здесь все имеет свою историю и все является моей историей; здесь находится обитель внепространственного царства мира и пристанище души.

СКРЫТЫЕ СИЛЫ

В отличие от обитателей городов, люди, живущие в сельской местности, верят в то, что мир полон невидимых сил. Те, кто живет близко к земле, наблюдая ежегодную смену циклов рождения, смерти и возрождения, знают, какие силы могут быть скрыты за, на первый взгляд, обыденными вещами. Послушайте, как Вордсворт описал это в стихотворении «Тинтернское Аббатство» («Tintern Abbey»):

... Благостное чувство
Чего-то, проникающего вглубь,
Чье обиталище — лучи заката,
И океан, и животворный воздух,
И небо синее, и ум людской —
Движение и дух, что направляет
Все мыслящее, все предметы мыслей,
И все пронизывает.

Этот мир был и миром Юнга. Отец его, напротив, относился к тому типу священнослужителей, которым никогда не удавалось жить в согласии со скрытым «царством» духа. Его религия была сухой и лишенной жизни, потому что он никогда по-настоящему не верил в свое призвание. У Юнга не было истинного, близкого ему по духу отца до тех пор, пока, став уже молодым человеком, он не встретился с Фрейдом.

Потому он обратился за духовной поддержкой к матери. Она познакомила сына с творчеством Гете и бессмертной историей об искушении Фауста бесом Мефистофелем. История о знании и скрытой за ним власти, о моральных конфликтах, вызванных этими самыми знанием и властью, произвела глубокое впечатление на Юнга и поразила его навсегда.

Позже, едва поступив в колледж, он методически изучал все, что только мог найти о психических явлениях. Отношение Юнга к подобным вопросам было типичным для него отношением к другим похожим и, как считалось, иррациональным и суеверным предметам, которое не изменилось в течение всей жизни. Он не принимал на веру прочитанные им толкования, но и не имел привычки огульно отвергать их. Напротив, эти странные явления захватывали его воображение, и он пытался обсуждать их со своими

друзьями. Друзья отмахивались, но Юнг чувствовал, что за их насмешками кроется какая-то тревога. Он недоумевал, отчего друзья были так уверены в том, что подобные вещи невозможны. А как юного психолога не менее сильно волновал вопрос, почему те проявляют тревогу, когда он пытается в беседе коснуться этого предмета.

В 1902 году Юнг написал первую научную статью, посвященную циклу спиритических сеансов, которые он посещал. Сеансы проводила молодая женщина (которая к тому же приходилась Юнгу кузиной), снискавшая в то время славу местного медиума. Юнга поразило, что временами сообщения, передаваемые ею в трансе, были проникнуты авторитетностью и знанием, в обычное время не присущими его сестре. Причем это не являлось типичным для всех сеансов в целом: иногда сообщения медиума содержали просто обрывки той информации, какую сестра Юнга могла почерпнуть из повседневной жизни и прочитанных книг. Но его заинтересовало другое — сильный и авторитетный голос.

ЛИЧНОСТЬ № 1 И ЛИЧНОСТЬ № 2

В детстве Юнг уже ощутил силу, скрытую в недрах души. Когда ему было 12 лет и отец его приятеля отчитал маленького Карла за непослушание, тот отреагировал с необычайной яростью. Он не мог поверить в дерзость человека, решившегося критиковать столь важную персону, какой он ощущал себя.

В тот момент Юнг чувствовал себя человеком в летах, состоятельным и облеченным властью, достойным всяческого почитания и послушания. Еще до того как эта мысль сформировалась в мозгу, он был потрясен забавным контрастом между пожилым, уважаемым человеком и тем жел-

торотым школьаром, который в действительности стоял перед отцом приятеля. Как совместить два столь различных образа?

Юнг осознал, что в нем находились дне разные личности: юный школьник, которого видели окружающие, и влиятельный пожилой человек, повидавший и испытавший много такого, что мальчику еще только предстояло испытать. Старшая личность была очень колоритной фигурой: Юнг ясно видел образ пожилого джентльмена XVIII столетия, обладающего богатством и положением в обществе, видел его всего, вплоть до «туфель с пряжками и пудреного парика».

Юнг продолжал экспериментировать с этим «другим» человеком, которого определил для себя как личность № 2 (в отличие от своей обычной личности № 1), в течение всей своей жизни. Еще будучи мальчиком, он осознал, что это была положительная часть его души, а вовсе не пугающий признак надвигающегося безумия. Многие люди в подобных обстоятельствах рассматривали бы личность № 2 как свидетельство в пользу реинкарнации, как воспоминания о своей прошлой жизни. Юнг никогда не рассматривал личность № 2 с этой точки зрения. Для него личность № 2 являлась скорее воплощением другой стороны его собственной личности, обычно скрытой от сознания. Позднее он нашел определение для этой скрытой стороны личности и назвал ее «коллективным бессознательным».

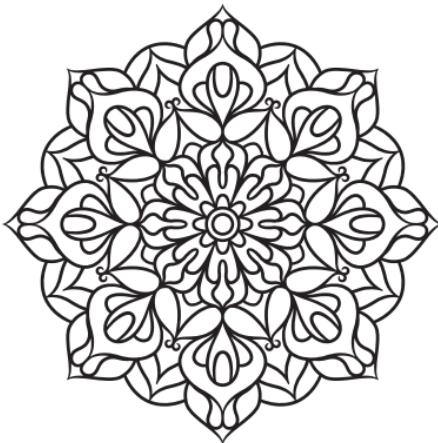
Еще раньше Юнг столкнулся с подобной двойственной сущностью у своей матери. Обычно это была добродушная и простоватая полная женщина, но иногда в ней проступали черты другой личности, высокообразованной и властной. Материнская личность № 2 часто проявлялась по ночам — странная личность, скорее напоминающая про-

видицу, нежели мать. Юнга эта вторая сторона его матери и очаровывала и пугала одновременно. Позднее пришел к выводу, что именно два чувства — восторг и испуг — всегда возникали у людей, когда те соприкасались с коллективным бессознательным.

Итак, мы можем понять теперь основные причины, которые привели Юнга к открытию и изучению коллективного бессознательного:

- 1) он был одинок в своем стремлении дойти до истины;
- 2) всю жизнь, начиная с детства, Юнг предпочитал саму живую природу теориям о природе;
- 3) отказывался отвергать аномальный опыт на базе рационалистических выкладок;
- 4) проявления личности № 2 — умудренной большим опытом и более авторитетной — которые он наблюдал в себе самом, своей кузине и своей матери.

Во всех научных исследованиях Юнг предпочитал описывать то, что открывалось ему в человеческой душе, а не объяснять свои открытия. Подобно многим другим ученым, а Юнг в большой степени был наукоиспытателем, он разрабатывал «модели» организации тех явлений души, которые собирал и категоризировал. Однако всегда рассматривал свои модели как временные и постоянно стремился к созданию еще более совершенных. В следующей главе речь пойдет об одной из моделей Юнга — модели базовой структуры души. Будет проиллюстрирована сложность некоторых взаимосвязей между сознанием и бессознательным. В последующих главах мы обсудим взгляды Юнга на сновидения, модель психологических типов, а затем принципиальную юнговскую модель процесса индивидуации.

ГЛАВА II

ДУША

Более того, сознательный ум характеризуется некоторой узостью. В данный конкретный момент он в состоянии удерживать одновременно лишь несколько содержательных элементов. Все остальное в это время является бессознательным, и мы получаем только что-то вроде продолжения или общего понимания, или ощущения сознательного мира через последовательность сознательных моментов. Нам не дано удерживать об раз целостности, поскольку наше сознание слишком узко... Область бессознательного огромна и непрерывна, тогда как область сознания — это Ограниченнное поле одномоментного видения.

К. Юнг

По мнению Юнга, сознание, которое представляется непременным условием существования человека, — лишь верхушка айсберга. Под сознанием располагается гораздо

более обширный пласт забытых или подавленных личных воспоминаний, чувств и поведенческих моделей, которые Юнг называл личным бессознательным. А под ним простирается глубокое море коллективного бессознательного, необозримое и древнее. Оно заполнено образами и поведенческими реакциями, которые многократно повторялись в истории не только человечества, но и самой жизни. Как говорил Юнг: «...Чем глубже погружаешься, тем более широкий пласт обнаруживаешь». Если модель, предложенная Юнгом, кажется вам не совсем приемлемой, подумайте над тем, что даже современные мужчины и женщины проживают сознательно лишь очень небольшой отрезок своей жизни.

Наши далекие предки жили и умирали, обладая еще меньшим индивидуальным сознанием. Если шимпанзе и крупные обезьяны принадлежат к семейству наших предков гоминидов, они обладают некоторой долей самосознания, но, разумеется, в значительно меньшей степени, чем мы с вами. По мере продвижения назад по пути эволюции к животным, еще менее развитым, чем обезьяны и гоминиды, уровень сознания уменьшается настолько, что его трудно даже и назвать сознанием. Разве амeba им наделена?

Немецкий биолог и философ Эрнст Геккель, живший в XIX веке, считал, что «онтогенез повторяет филогенез», т.е. развитие индивида проходит через те же стадии, что и эволюция видов. Хотя замечательное определение Геккеля представляется несколько преувеличенным, тем не менее верно, что в структуре тела каждый из нас несет в себе большую часть информации о пройденном эволюционном пути. Наш пищевой тракт функционирует подобно трубчатым существам, которые плавали в древних океанах около полутора миллиарда лет назад; как и наш пищевод, они представляли собой просто трубы, которые впитывали проходящие че-

рез них питательные вещества. Самая элементарная часть нашего мозга — спинной мозг, ромбовидный (задний) мозг и средний мозг (которую исследователь Маклин называет «нервальным шасси») — вполне могла существовать у рыб, плавающих в океане 400 миллионов лет назад.

В книге «Драконы Эдема» Карл Саган популяризировал триединую модель мозга, предложенную Маклином. Эта модель описывает мозг, окружающий нервальное шасси, как три отдельных мозга, каждый из которых располагается поверх другого и соответствует определенному этапу эволюции. Начиная от самого древнего и кончая самым последним из них, эти три мозга можно охарактеризовать следующим образом:

1) *R-комплекс, или мозг пресмыкающегося, который «играет важную роль в агрессивном поведении, территориальных отношениях, ритуалах и установлении социальных иерархий*. R-комплекс появился, по-видимому, у первых пресмыкающихся около 250 миллионов лет назад;

2) *Лимбическая система (включающая в себя гипофиз), или мозг млекопитающего, который в основном руководит нашими эмоциями. Он « управляет социальной ориентацией и социальными отношениями — чувством общности, заботы, симпатии, сострадания и инстинктом группового самосохранения*. Он, вероятно, появился не более 150 миллионов лет назад;

3) *Неокортекс, мозг приматов, «более остальных ориентирован на внешние стимулы*. Он управляет более сложными функциями, такими как мышление и речь. Неокортекс контролирует также сложные перцептивные функции, особенно зрение. Хотя ни один термин не в состоянии точно передать его сложность, название «зрительный мозг» не так уж и плохо. Несмотря на то, что он образовался у млекопитающих «десетки миллионов лет назад... его развитие резко ускори-